

— *Внутри каждого человека борются два волка, — негромко произнес старик. — Один волк — черный, это зависть, ревность, эгоизм, амбиции, ложь. Второй волк — белый, это мир, любовь, надежда, истина, доброта и верность.*

— *И какой волк побеждает?* — тихо спросил мальчик.

— *Тот, которого ты кормишь.*

Индийская притча

ПРОЛОГ

*в котором Гатов, Дагомаро и Бааламестре
занимаются географией*

Спросите у любого цепаря, что есть Кардония, и вы услышите: Банир. Задайте тот же вопрос любому кардонийцу — и услышите: Банир. Если вы никогда не бывали на этой планете, то наверняка удивитесь столь редкому единодушию, но если вам доводилось посещать Кардонию, то задавать дурацкие вопросы не станете, потому что ответ известен: Банир.

Банирский океан, покрывающий четыре пятых мира, разделяющий его и объединяющий. Ужасающий зимой и добродушный летом. Дарующий пищу, а значит — жизнь, и знаменитые хологаны — холодные ураганы, а значит — смерть. Все это — Банир.

Огромный кардонийский океан не считался излишне спокойным. Моряки и летчики обожают рассказывать

о его яростном характере, о зимних штормах и безумных, но, к счастью, довольно редких хологанах, во время которых многометровые волны злобно таранят берега, и еще рассказывают о том, как тяжело приходится отчаянно храбрым летчикам и морякам. Яркие истории безотказно действуют на впечатлительных женщин, превращая моряков и летчиков в бесстрашных героев, бросающих вызов неукротимому Баниру, и в девяти случаях из десяти награждают рассказчика желанной взаимностью, но... Но хитрые моряки и летчики «забывают» уточнить, что бесится океан исключительно зимой, а все остальное время покойно дремлет, изредка всхрапывая легким штормом.

Вот и сейчас, в самой середине весны, Банир был настроен миролюбиво. Его синие волны лениво бежали к горизонту и совсем не расстраивались, если недоставало сил нырнуть за него. Редкие облака — белые мазки на нежной лазури — не предвещали даже слабой бури, и серебристый цеппель «Ушерский лев» — яхта консула Дагомаро — плавно шел в половине лиги над океаном. Собственно, управляющие цеппелем люди и не рискнули бы отправиться в дальний поход — а ближайший порт остался в тысяче лиг к юго-западу — в другую погоду. Но вовсе не потому, что «Лев» был плохим, — цеппель считался одним из самых надежных в Герметиконе, — просто в настоящий момент команда яхты состояла из трех человек вместо положенных двадцати. Особенных трудностей это обстоятельство не вызывало: идеально продуманное устройство позволяло совершать путешествия даже со столь усеченным экипажем, но только в благоприятных условиях, в те дни, когда Банир добр.

— Далеко еще?

— Нет.

— То же самое ты говорил вчера вечером.

— Я немного ошибся.

— Ты ошибся?

Неподдельное изумление собеседника заставило стоящего за штурвалом мужчину улыбнуться. Едва заметно. Краешками губ.

— Ладно, не ошибся. Я решил, что следует пройти еще пятьсот лиг. Тут есть острова...

— У них имеются названия?

— Не придумали.

— Забавно.

— Отправь сюда экспедицию.

На капитанском мостике «Льва» находилась большая часть экипажа. За штурвалом стоял Павел Гатов — невысокий, жилистый мужчина, одетый в черные штаны с накладными карманами, цепарские ботинки и грубый серый свитер с капюшоном. Лицо Гатов имел узкое, немного вытянутое, плавно стекающее к маленькому подбородку, неказистость которого прикрывалась аккуратно подстриженной бородкой. Ее идеальная форма абсолютно не гармонировала с пребывающей в полном беспорядке прической: Павел частенько проводил по голове правой рукой, и потому его короткие черные волосы всегда торчали в стороны. В левом ухе Гатов носил золотую серьгу — безыскусное колечко, помогающее, по мнению цепарей, избегать Знаков Пустоты, а на запястьях — простенькие дешевые браслеты: бусины, цветные веревочки и кожаные ремешки. Кроме того, руки Гатова покрывали многочисленные татуировки, что придавало ему заправский вид профессионального цепаря.

Вот только ни один цепарь Герметикона не имел за плечами двух оконченных с отличием Академий и звания магистра по двум наукам.

Собеседником Павла выступал сам Винчер Дагомаро, консул Ушера, один из богатейших людей Кардонии. И вот в его внешнем виде не было ничего легкомысленного или цепарского. Несмотря на то что на борту находились лишь близкие люди, можно сказать — друзья, Дагомаро не расслаблялся и не изменял себе, он поднял-

ся на мостик, облаченный в наглухо застегнутый пиджак с воротником-стойкой, в идеально отутюженные брюки и такие блестящие туфли, что их можно было использовать в качестве зеркала. А единственным украшением, которое позволял себе Винчер, был золотой значок консула Ушера на левой стороне груди. Как именно Дагомаро ухитрялся сохранять привычный лоск в отсутствие слуг, Павел не спрашивал, но предполагал, что консул заранее позаботился о достаточном количестве одежды.

Голову рано облысевший Винчер брил, однако волос у него хватало: густые рыжие брови над глубоко запавшими глазами и длинный, до груди, узкий клин знаменитой на всю Кардонию рыжей с проседью бороды. Впавшие щеки, длинный нос, огонь во взгляде — лицом Дагомаро походил на религиозного фанатика, однако религией консула была политика.

— То есть мы на краю мира.

— Чуть дальше, Винчер, чуть дальше. Мы пересекли Правую Хорду шесть часов назад.

А значит, удалились не только от оживленных торговых путей, но и от всех известных точек перехода. Правая Хорда — почти прямая цепочка необитаемых островов — считалась восточной границей заселенных земель Кардонии, и забирались за нее лишь редкие исследовательские экспедиции.

— Зачем так далеко? Аргументируй!

— Не люблю заниматься своими делами у всех на виду.

— Мы договорились провести испытание на севере Правой Хорды. Там полно никому не нужных островов.

— Предлагаешь вернуться?

— Павел! — Это был не окрик — Дагомаро никогда не позволял себе низводить Гатова до положения слуги или наемного работника, восклицание демонстрировало сдержанное неудовольствие. Консул показал другу, что его следовало заранее известить об изменении планов.

— Правая Хорда подробно описана, все ее острова нанесены на карты, — «аргументировал» свою позицию Гатов. — Лишние пятьсот лиг дали нам гарантию сохранения тайны.

— Допустим, — помолчав, произнес Дагомаро, без приятни разглядывая появившиеся на горизонте земли. — Допустим...

И прекратил спор, поскольку сам ратовал за строжайшую секретность испытаний.

Местные «земли», к которым стремился «Лев», представляли собой скопление необитаемых клочков суши: от совсем крошечных, больше похожих на отмели, до больших — 5—6 лиг в поперечнике — островов, поросших чахлой растительностью. Но до центра группы, где возвышался Корявый вулкан, единственная описанная картографами гора малюсенького архипелага, яхта не добралась — Гатов плавно повернул цеппель и распорядился в переговорную трубу:

— Каронимо, стоп машина.

— Есть! — отозвался находящийся у кузеля Бааламестре. — Прибыли?

— Да.

Примерно через минуту винты перестали крутиться, и теперь к стоящему в отдалении от собратьев острову цеппель вели инерция и слабый попутный ветер.

— Волнуешься?

— А ты? — вопросом на вопрос ответил консул.

— Немного, — признался Павел, — но только потому, что мне предстоит небольшое путешествие вниз.

— Только поэтому?

— Да. — Гатов помолчал и добавил: — Во всем остальном я уверен.

— Мы запорол три испытания, — напомнил консул.

— Именно поэтому я спокоен, Винчер, — больше ошибок не будет.

В голосе ученого прозвучала грусть. Однако Дагомаро не услышал ее.

— Надеюсь.

Важный груз, который тащил в далекое путешествие «Ушерский лев», прятался в стандартном металлическом контейнере, стоящем на закрепленной в двадцати метрах под пузом цеппеля платформе. В крыше контейнера располагался люк, из гондолы к нему вела веревочная лестница, и именно об этом «небольшом путешествии вниз» говорил Гатов: Павлу предстояло спуститься и выставить скрытую в чреве контейнера бомбу на боевой взвод.

— Выпьешь? — Дагомаро протянул Гатову флягу с коньяком. — За бортом холодно.

— Сначала бабахнем, — буркнул тот, натягивая теплую шапку.

— Хорошо, — покладисто согласился консул. — Сначала бабахнем.

Однако сам к фляге приложился, и этот жест показал ученому, что нервы Дагомаро на пределе. Но беспокоила Винчера не возможная неудача, а риск, которому они подвергались: кому понравится сидеть на пороховой бочке, к которой похожий на цепаря ученый собирается поднести зажженный фитиль?

— Ты уж там аккуратнее.

— Возможно, ты удивишься, но я тоже хочу жить, — хмыкнул Гатов, застегивая кожаный шлем.

— Я ничего не пропустил? — Каронимо Бааламestre появился в тот самый момент, когда Павел готовился открыть люк. Бросил быстрый взгляд на флягу в руке Винчера, затем оглядел друга и топнул ногой: — Так и знал, что забудешь! — Рядом с люком валялся широкий кожаный пояс, к которому крепился конец страховочного троса. — Надевай немедленно!

— Я еще не спускаюсь.

— Все равно!

— Кар прав. — Консул вновь глотнул коньяка. — Пристегнись, если действительно хочешь жить.

— Ладно, ладно.

Гатов взялся за пояс, а распахнувшийся люк Бааламестре скривился:

— Хнявый мерин!

Ослабленная лестница трепыхалась на ветру, обещая Павлу весьма и весьма нелегкое путешествие.

— Натяни, — посоветовал Дагомаро.

— Знаю.

Каронимо взялся за блок, пытаясь придать веревочной дороге друга хоть какую-то твердость, а надевший перчатки Гатов глубоко вздохнул:

— Я знал, что мне придется это делать. — Потому что лететь со взведенной бомбой никто не хотел, а как выставить ее на готовность, знал только изобретатель. — Никуда не уходите.

И следующие полчаса стали самыми длинными в жизни Дагомаро и Бааламестре. Сначала прилипшие к люку мужчины напряженно следили за спускающимся к контейнеру Гатовым. Затем и вовсе затаили дыхание — когда Павел ступил на раскачивающийся контейнер, — а еще через несколько мгновений Каронимо выругался — открывающий люк ученый едва не потерял равновесие. Но это были единственные слова, произнесенные за все тридцать минут. Исчезновение Гатова в чреве контейнера, то есть начало самой опасной части «небольшого путешествия вниз», Дагомаро отметил большим глотком коньяка, но дальше сдерживался и в следующий раз вернулся к фляге, лишь когда Павел поднялся в гондолу.

— Получилось?

— Да.

— Молодец! — Бааламестре опустил крышку люка и похлопал друга по плечу.

— Дайте выпить! — Гатов жадно хлебнул коньяка, подошел к лобовому окну, оценил расстояние и вздохнул: — Как по заказу.

Дрейф получился удачным: легкий ветерок приблизил цеппель к небольшому, примерно две лиги в поперечнике, острову, напоминающему черно-белую кляксу — камни и песок — на синей груди Банира.

— Хорошая мишень, — заметил Дагомаро, но Павел не ответил.

— Каронимо, давай в кузель и полный вперед.

— Я хочу посмотреть. — Бааламестре обиженно надул губы.

— А я хочу выжить, — грубовато бросил Гатов. — Дай полный вперед и бегом обратно. Если поторопишься — успеешь.

— Хнявый мерин...

Каронимо пулей вылетел с мостика, прогремывал по коридору, и через несколько минут вздрогнувший цеппель принялся быстро набирать скорость. Стоящий у штурвала Гатов переложил рули высоты, поднимая «Льва» выше, и вздохнул:

— Если у нас получится, нужно быть как можно дальше.

С оставшимся расстоянием повезло — к выходу на рубеж атаки цеппель успел подняться на полторы лиги, и Павлу уже следовало надавить на рычаг, раскрывающая удерживающие платформу захваты, однако ученый медлил.

— Только бы получилось, — пробормотал стоящий рядом Винчер.

Консул не понял, чем вызвана задержка, предполагал, что Гатов выбирает подходящий момент, и сильно удивился, услышав неожиданный вопрос:

— А что будет, если получится?

— Как это — что? — опешил Дагомаро. — Мы...

— Мы изменим ход истории.

— И спасем тысячи жизней.

— Не уверен.

Нахмурившийся Дагомаро убрал флягу в карман и пристально посмотрел на Павла:

— Ты работал над проектом два года. Дольше, чем над любым другим изобретением.

— Идея меня увлекла, — тихо ответил Гатов.

— Что изменилось?

— Теперь я ее боюсь.

И консул понял, что впервые в жизни видит в глазах ученого боль. Радость видел, и видел часто, когда получалось задуманное. Злость видел, раздражение — в тех случаях, когда Гатов ошибался на пути к цели. Скуку видел, но боль — никогда.

И реагировать следовало не так, как обычно.

— Мы должны это сделать, Павел, — проникновенно произнес Винчер. — Ты знаешь, что должны.

— А если снова не получится?

— Тогда...

— Тогда мы прекратим исследования, ладно? — перебил консула Гатов. — Прекратим?

Отступать Дагомаро не умел, но дикая боль во взгляде ученого заставила Винчера изменить принципам:

— Ты этого хочешь?

— Я стал бояться того, что придумал, — повторил Гатов. — Да, я этого хочу.

— Значит, так будет, — кивнул Дагомаро. — Даю слово.

— Вы уже начали? — осведомился влетевший на мостик Бааламестре.

— Договорились, — прошептал Павел, надавливая на рычаг.

И цеппель, освободившийся от тяжеленного груза, устремился вверх. Вверх и вперед, куда его толкали работающие на полную мощь двигатели. Винчер и Бааламестре бросились к окнам, внимательно следя за пада-

юшим на остров контейнером, а Гатов крепко ухватился за штурвал и громко произнес:

— Удар о землю приведет в действие детонатор, прозвучит первый взрыв, обычный. Вряд ли мы его увидим, вряд ли поймем, что он был, но именно он запустит реакцию. И следом...

Усиленный контейнер врезался в остров, смялся, прокатился вперед и замер, словно тоже ждал продолжения. Две секунды, два удара сердца ничего не происходило, а затем...

— Святая Марта, — прошептал Дагомаро.

— Хнявый мерин...

— Дерьмо, — глухо закончил Гатов.

Потому что затем, примерно через две секунды после удара о землю, случилось невысказанное.

Невозможное.

Невероятное.

Остров приподнялся... Нет! Начал приподниматься... Нет, не остров... Не только он... И не сразу. Сразу явился огненный шар. Появился на том самом месте, где был остров. Огромный и продолжающий расти огненный шар, сжигающий все на своем пути. А уже затем песок, вода и камни вдруг устремились вверх, словно посланные разъяренным Баниром догнать и поквитаться с теми, кто нарушил его покой. Вперед, вверх, в стороны, во все стороны сразу — песок, вода, камни, все полетело с ужасающей скоростью. Но не быстрее...

— Держитесь!

Ударная волна успела раньше. Играючи подхватила трехсотметровый цеппель, развернула, намереваясь превратить в игрушку, и лишь хладнокровие стоящего за штурвалом Гатова позволило «Льву» удержаться на курсе.

— Павел!

— Дерьмо!

— Держитесь!

— Хнявый мерин!

— Мы падаем!

— Дерьмо!

Болтанка длилась несколько секунд — целую вечность, и на ногах сумел остаться только Гатов. Яхта за скрипела, Бааламestre швырнуло на стекло, Дагомаро врезался в приборную стойку, рассадил голову, но едва цеппель перестало трясти, и Винчер и Каронимо вернулись к окну.

— Что?

— Что там?!

Но не увидели ничего. Ровным счетом ничего, потому что острова больше не было. Исчез, растворился, а там, где только что расплывалась черно-белая клякса, бесился Банир. Да поднималось к небу серое облако.

— Чтоб меня пинком через колено, — шумно выдохнул Каронимо. — Павел, хнявый ты мерин, ты хоть понимаешь, что у тебя получилось? Ты понимаешь, насколько велик?

— И что теперь ты можешь просить у меня все, чего хочешь? — добавил Дагомаро.

И услышал печальное:

— Больше всего я хочу, чтобы ты обо всем забыл.